

Письмо Эскиросу о Лионском восстании и народной обороне

Михаил Бакунин

20 октября 1870

Оглавление

Предисловие Джеймса Гильома.	3
Бакунин в Марселе – Марсельская Коммуна	4
Письмо Эскиросу.	
Окрестности Марселя.	
20 октября 1870 год.	6

Предисловие Джеймса Гильома.

Альфонс Эскирос, автор «Истории монтаньяров» (*Histoire des Montagnards* 1844 года), избранный 7 июня 1869 года депутатом Законодательного собрания по четвёртому избирательному округу департамента Буш-дю-Рон, сидел в этом собрании на крайней левой скамье, правительством национальной обороны, пришедшем к власти в результате свержения Луи Наполеона в сентябре 1870 года, был назначен старшим управляющим Буш-дю-Рона. Он был честным человеком, социалистом, который согласился поехать в Марсель в надежде принести там пользу.

Обстоятельства, при которых Бакунин задумал написать ему письмо, были описаны в письме, написанном мне в 1876 году Шарлем Алерини¹, который был в Марселе в октябре 1870 года одновременно с русским революционером, чьим преданным другом он был. Я воспроизвожу здесь основной отрывок:

«После печальных событий в Лионе² (сентябрь 1870 года) Михаил Бакунин был вынужден покинуть этот город и, решив, что он ещё может с пользой послужить делу Революции, продлив своё пребывание во Франции, приехал в Марсель, где некоторое время скрывался в скромном жилище в районе Фаро. Но рабочий класс был тогда полностью дезорганизован в столице французского Юга, а политическая агитация в то время доминировала над социальным вопросом ... Поэтому присутствие нашего друга перед подобной ситуацией вряд ли было необходимо в Марселе, с другой стороны, оно могло иметь для него самые печальные последствия.

Действительно, известный социалистический республиканец и атеист Андриё, в то время глава прокуратуры в Лионе, преследовавший истинных революционеров с яростью разоблачённого предателя, разослал со всех сторон приказы о его активном поиске. В Марселе этот приказ был передан господину Гиберту, бывшему муниципальному советнику республиканской оппозиции этого города, который поспешил выдать ордер на арест Бакунина и поручил гражданину Полю Гаварду, командиру республиканской гвардии, позаботиться о его задержании. Проинформированные об этих договоренностях, мы отправились с друзьями, чтобы найти Гаварда, который впоследствии также был приговорён от имени республиканского правительства к вечной ссылке за восстание 25 марта 1871 года в Марселе, и он дал нам после встречи честное слово разыскивать нашего друга лишь там, где встретить его не сможет, а если встретит, то постарается его не заметить.

Будучи уверенными в этом и решив предотвратить арест Бакунина силой, если потребуется, мы обратились к гражданину Эскиросу, старшему управляющему Буш-дю-Рон, чтобы выяснить его намерения в отношении него. Эскирос принял нас хорошо, продемонстрировал свои симпатии и уважение к Бакунину и заявил, что, хотя Турское правительство³ и указало ему на последнего как на прусского агента, он не придаёт никакой веры этому сообщению.

---

¹ Об Алерини и об этом письме см. *Предисловие Гильома*, находящимся перед *Первым выпуском Кнута-Германской Империи*. – Дж. Г.

² Восстание социалистов, в котором участвовал Бакунин, потерпело поражение.

³ Имеется ввиду Правительство Национальной Обороны, которое переехало в город Тур на западе Франции в связи с опасным положением Парижа вблизи фронта с Пруссией.

«В отношении меня, – добавил Эскирос, – Бакунин может быть совершенно спокоен, я не буду беспокоить его и не приму никаких мер, предписанных против него правительством. Однако возможно, что непосредственно из Тура или Лиона высланы специальные агенты, чтобы задержать его, и в таком случае, если они будут действовать без моего ведома, я лишён буду возможности воспрепятствовать им в этом»

«В Туре, как и в Лионе, буржуазные республиканцы, Гамбетты, Шальмель-Лакуры⁴, исповедовали глубокую ненависть к социалистам и были прямо заинтересованы в захвате нашего друга. С другой стороны, в окружении Гамбетты был польский генерал Мерославский, личный враг Бакунина, который использовал против него не очень благородное оружие, клевету. Таким образом, опасность не была абсолютно минована, и мы снова призывали Бакунина искать более безопасное убежище.

Он уступил нашим просьбам и решил вернуться в Швейцарию через Геную⁵».

Основной интерес письма Бакунина, написанного – и не отправленного – Эскиросу, заключается в связи, которую последний устанавливает между программой революционного движения от 28 сентября⁶ и предложением, сделанным Эскиросом Законодательному корпусу 25 августа 1870 года, предложить муниципалитетам объединиться в центры действия и обороны вне всякого административного контроля.

Бакунин в Марселе – Марсельская Коммуна

(из книги «Интернационал. Воспоминания и Материалы» Джеймса Гильома).

Между тем общее положение в Европе не улучшалось. Война между Францией и Германией затягивалась. Немцы подошли к самому Парижу. 27-го сентября пришло известие о сдаче генералом Базеном крепости Меца. Правительство Фавра, Тьера и генерала Трошю решило не защищаться. Тьер был отправлен к пруссакам просить перемирия, чтобы созвать Национальное Собрание, которое должно было бы заключить мир.

Всё это вызывало возмущение среди парижан, которые ни за что не хотели видеть в стенах Парижа ненавистных пруссаков. В то время, как правительство решило не защищаться, парижские рабочие, подозревая измену и не доверяя правительству, стали готовиться к обороне своего города. Это разногласие между правительством и народом приводило к взаимным трениям, к взаимному недоверию и создавало неопределенное неустойчивое положение. Лионская попытка восстания⁷ заставляло правительство быть настороже.

Между тем Бакунин, видя неминуемое поражение Франции, продолжал верить, что единственное средство спасти Францию – это немедленное свержение неспособного и трусливого буржуазного правительства и организация защиты страны самим

---

⁴ Префект Лиона, гамбеттист.

⁵ Подробности отъезда из Марселя — у Гильома, в книге *L'Internationale*, том II, стр. 112-115.

⁶ Имеется ввиду революционное движение в Лионе и резолюциями *Центрального Комитета Спасения Франции*, развешанная по всему Лиону красным цветом, о котором пишет сам Бакунин в первых страницах *Первого Выпуска Кнута-Германской Империи*.

⁷ Попытка, в которой участвовал Бакунин и его товарищи.

народом. Потерпев неудачу в Лионе, Бакунин уехал в Марсель, чтобы там попытаться поднять восстание и организовать народный Комитет Спасения Франции.

Однако, рабочие в Марселе были совершенно не организованы и так как внешний враг не угрожал непосредственно Марселю, то призыв Бакунина к свержению правительства и к организации защиты страны нашел слабый отклик среди рабочих. Между тем Лионские власти прислали в Марсель распоряжение об аресте Бакунина и о доставке его в Тур, где в это время находилось правительство Гамбетты. В числе лиц, окружавших Гамбетту, был, между прочим, генерал, поляк Мерославский, который считал Бакунина своим личным врагом и уверял Гамбетту, что Бакунин является прусским шпионом. Вследствие этого Бакунина сильно разыскивали в Марселе, и его друзья уговорили Бакунина уехать из Марселя в Швейцарию. 28-го октября Бакунин был уже в Локарно.

Между тем, тотчас же после его отъезда из Марселя стало известно о предательстве генерала Базена и о сдаче им Меца; эти факты вызвали взрыв негодования и служили доказательством даже для самых умеренных элементов, что буржуазное правительство не может и не хочет защищать страну. В Марселе на сторону революционеров и социалистов стали даже сам губернатор департамента Эскирос, старый и убеждённый республиканец и префект Марселя Дельпеш. 30-го октября 1870 года по случаю событий была назначена большая манифестация. Революционный Комитет вошёл по этому поводу в переговоры с префектурой, которая заявила, что с её стороны никаких препятствий для манифестации не будет. На другой день Революционный Комитет с чёрным знаменем и с музыкой в сопровождении огромной толпы прошёл по главным улицам города и затем явился в префектуру. Чёрное знамя было водружено на здании префектуры, на балконе которой появился гражданин Эскирос, губернатор департамента Устье Роны. В своей патриотической горячей речи Эскирос обещал народу дать оружие и стать во главе народной армии чтобы отразить нашествие врага.

Гамбетта, извещенный о таком поведении Эскироса, немедленно вызвал его депешей к себе, называя Эскироса «бунтовщиком». В ответ на это Эскирос послал телеграмму, где называл правительство Гамбетты «правительством низости и глупости», и заявил, что он уходит в отставку.

На следующий день, 31-го октября, утром Революционный Комитет явился снова в префектуру и оттуда направился в городскую думу в сопровождении огромной толпы народа. В городской думе была провозглашена революционная Коммуна. Была послана телеграмма генералу Кюзере, приглашавшая его стать во главе революционной армии юга. Но, благодаря нерешительности Кюзере и отсутствию организаторов движение было подавлено присланным Гамбеттой новым губернатором, заменившим мятежного Эскироса, и приведшим с собой несколько полков верных правительству войск.

Письмо Эскиросу. Окрестности Марселя. 20 октября 1870 год.

Гражданин и милостивый государь!

Я имел честь направить вам через одного из моих марсельских друзей брошюру, опубликованную мной под следующим заглавием: *«Письма к Французу о текущем кризисе»*.

Она содержит письма, написанные в августе месяце, задолго до капитуляции Седана⁸. Но издатель, мой друг, который изрядно сократил их, чтобы не сказать кастрировал⁹, полагая, по-видимому, что не пришло ещё время говорить всю правду, – нашёл нужным датировать их сентябрём.

Письма эти, адресованные моему другу, гражданину Гаспару Блану в Лионе, одному из наиболее преданных благополучию Франции молодых людей, каких мне только случалось встречать, и которого господин Шальмель-Лакур, чрезвычайный комиссар, держит сейчас в тюрьме под смешным и гнусным предлогом, будто он является прусским агентом, – письма эти, я надеюсь, покажут вам, гражданин Эскирос, что я также не являюсь ни другом, ни сторонником прусского короля, ни, равно, какого бы то ни было другого деспота.

Господин Шальмель-Лакур и господин Андриё, прокурор Республики в Лионе, осмелились выдвинуть против меня эту бесчестную клевету. Не мне, конечно, жаловаться на остроту полемики между борющимися сторонами. Я не имел бы на это права, ибо и сам я, когда и как только мог, высказывал свою неумолимость ради интересов, ради блага людей и политической и социальной организации, коей господа эти, в ущерб благополучию Франции, являются ныне едва ли не естественными защитниками, образуя во всей своей совокупности нынешнее злополучное всемогущество буржуазии. Я резко нападал и на принципы, и на так называемые права моих противников по политике и по социализму. Но никогда я не затрагивал личностей и всегда превыше всего боялся клеветы.

Что может быть теперь легче, не правда ли, чем клеймить эпитетом Пруссак всякого, кто имеет несчастье не разделять заказного энтузиазма по отношению к этим якобы спасителям Франции, чья косность, бездарность и самовлюблённое бессилие губят Францию.

Вы, гражданин Эскирос, не спросите меня, как, может быть, спросят другие: «Что вам до всего этого, вам, иностранцу?» Ах, милостивый государь, нужно ли мне вам доказывать, что дело Франции стало теперь делом всего мира? Что поражение и гибель Франции было бы поражением и гибелью свободы, всего, что есть человеческого в мире? Что окончательное торжество идеи и могущества Пруссии, военной, чиновничьей, дворянской и иезуитско-протестантской Пруссии, было бы величай-

---

⁸ Та часть рукописи, из которой была извлечена брошюра, относится к периоду от 27 августа до 2 или 3 сентября – Дж. Г.

⁹ Именно эта фраза Бакунина заставила меня принять решение, прежде всего, после перепечатки памфлета *«Письма к французам»* во II томе *«Собрания Сочинений»* полностью опубликовать рукопись автора. – Дж. Г.

шим несчастьем, какое только может постигнуть всю Европу. Если восторжествует Пруссия, – с европейской человечностью будет покончено по меньшей мере на пол-столетия; нам, старикам, останется одно – умереть. Увы! Как не понял я, что мой друг Александр Герцен был прав, после горестных июньских дней 1848 года¹⁰, – дней, когда буржуазия Парижа и всей Франции воздвигла трон Луи Бонапарта на развалинах надежд и всех законных чаяний пролетариата, – когда он заявлял, что западная Европа отныне мертва, и что для возрождения, для продолжения истории есть только два источника – Америка, с одной стороны, и восточное варварство – с другой!

Поборник западной революции, – не вашего казённого мира буржуазии, мира, который я презираю и ненавижу всем сердцем, – я всегда спорил с ним, защищая эту революцию. Он же, прежде горячий приверженец её, потерял в неё веру. Я продолжал верить в неё, невзирая на крушение, невзирая на преступление, совершённое в Июне буржуазией. Он говорил, что западная Европа отныне сгнила, что она стала трусливой резонеркой, без веры, без страсти, без творческих сил, как некогда *Bas Empire*¹¹. Я соглашался с ним во всём в отношении вашей буржуазной цивилизации, но замечал при этом, что в Западной Европе, под пластом буржуазии таится мир варварства *sui generis*¹²: городской пролетариат и крестьянство. Не пресытившись и даже не вкушивши жизни, не будучи ни развращены, ни обездушены этой культурой упадка, но, напротив, непрестанно питаемы трудом, который, каким бы ни был он рабским и придавленным, тем не менее продолжает быть живым источником разума и силы, – пролетариат и крестьянство имеют перед собой будущее; следовательно, говорил я, нет необходимости во вторжении восточного варварства для обновления Запада Европы, ибо в недрах своих Запад таит собственное варварство, которое – придёт время – обновит его.

Герцен не верил ни во что, и был убит скорее скептицизмом своим, нежели болезнью. Я, напротив, был полон веры; я был социалистом-революционером не только в теории, но и на деле; это означает, что я верил в осуществление социалистической теории, – и потому-то мне довелось пережить его. Я был и остаюсь социалистом не потому только, что социализм – это *подлинная* свобода, *подлинное* равенство и *подлинное* братство, человеческая и всеобщая справедливость, но также вследствие одного соображения, относящегося к социальной физиологии.

Я – социалист, потому что я пришел к тому убеждению, что все классы, которые до сей поры, так сказать, создавали великих деятелей и героев исторической трагедии, умерли. Умерло дворянство; буржуазия умерла и сгнила. Она доказывает это сейчас достаточно ясно. Кто же остался? Крестьянство и пролетариат городов. Только они могут спасти Европу от прусского милитаризма и бюрократизма, верных союзников и родичей кнута дорогого моего императора Всероссийского.

Итак! Всё, что я вижу сейчас во Франции, повергает меня в чувство, близкое к отчаянию. Я начинаю – подобно Герцену – опасаться, что крестьянство и пролетариат,

¹⁰ Расстрел рабочей манифестации в Париже в июне 1848 года.

¹¹ Так называют период Поздней Римской Империи учёные-франкофоны, период её окончательного упадка; спорно, когда период начался, но все согласны на том, что он закончился с падением Рима в 476 году нашей эры. На русском этот период также называют «Доминатом».

¹² *единственный в своём роде*

во Франции, в Европе, также мертвы. Что тогда? Тогда – погибла Франция, погибла Европа.

Но нет! За время краткого моего пребывания в Лионе и в окрестностях Марселя, я увидел, я почувствовал, что народ далеко не мертв. Он таит в себе все великие инстинкты и все могучие силы великого народа. Ему не хватает одного, – организации и правильного руководства; не того руководства, не той организации, которые навязываются ему сверху, властью Государства, за подписью то ли Его императорского Величества Наполеона III, то ли Его республиканского Величества господина Гамбетты; но руководства и организации, которые образуются снизу вверх, и являются подлинным выражением народной жизни и деятельности.

Само собой разумеется, гражданин Эскирос, что для того, чтобы обратиться к вам с подобным письмом, я должен иметь большое к вам, доверие. Знаете ли вы, откуда у меня эта вера? Никогда не имел я чести встречаться с вами. Но я читал написанное вами, и я знаю вашу жизнь. Я знаю, что вы никогда не боялись быть последовательным революционером, никогда не противоречили самому себе, ни разу не принесли народное дело в жертву интересам класса, партии или личного тщеславия. Наконец, милостивый государь, в несчастном этом Законодательном Корпусе, после поражений, разрушивших французские армии, и – разрешите мне сказать вам это – посреди трусости и глупости, выраженных всеми вашими коллегами левой, – теми же, что ныне образуют правительство Национальной Обороны, – вы были единственным, кто предложил последнее средство, которое оставалось для спасения Франции, а именно: путём издания воззвания от имени Законодательного Корпуса пробудить самочинную организационную деятельность всех коммун Франции, *вне всякой административной и правительственной опеки Государства*¹³. Коротко говоря, вы хотели провозгласить ликвидацию, или, вернее, просто констатирование полного развала и не-существования Государства. Этим самым вы привели бы Францию в состояние революции.

Я всегда понимал, а теперь это должно было стать очевидным для всех, что вне этого героического средства нет спасения для Франции. Законники, составляющие ваше теперешнее правительство, стали на иную точку зрения. Лишённые всех средств, образующих мощь Государства, они вздумали играть – о, невинные! – в управление Государством. Этой игрой они парализовали всю Францию. Они запретили ей всякое движение, всякую самочинную деятельность, под тем курьёзным, – а при настоящих условиях – и преступным предлогом, что, дескать, одни лишь представители Государства вправе пользоваться монополией мысли, движения, действия. В ужасе от того, что Государство рухнет и рассыпается у них под руками, они, дабы сберечь его, сохранили всю прежнюю администрацию – бонапартистскую, военную, юридическую, коммунальную и гражданскую. До того дошли они в своём тупом

---

¹³ Именно на сессии 25 августа 1870 года Эскирос предложил «пусть Законодательный Корпус обратится ко всем муниципалитетам с призывом образовать из себя центры действия и обороны, вне всякого административного контроля, и принять, во имя Франции, над которой совершено насилие, все меры, которые они сочтут необходимыми». Бакунин упоминает об этом предложении на странице 23 рукописи «Продолжение, III», из которой был взят памфлет «Письма к французам»: см. т. II, с. 199. – Дж. Г. (часть «5. Необходимость восстания», абзац начинается со слов «Необходимость народного восстания стала в настоящий момент столь очевидной для всех»).

доверии к себе, в преступной своей самовлюбленности, что возомнили, будто, с той поры как они стали у власти, даже бонапартисты, люди, неразрывно связанные с прошлым солидарностью преступления, преобразятся в патриотов и республиканцев. Затем, чтобы поправить эту ошибку и устранить ужасающие последствия её, они разослали во все концы чрезвычайных комиссаров, префектов, помощников префектов, генеральных адвокатов и прокуроров Республики, – таких же худосочных республиканцев, бастардов Дантона, какими являются и сами. Что же сделали все эти адвокатишки, все эти важные персоны в желтых перчатках буржуазного республиканства? Они сделали единственное, что могли: повсюду они встали на сторону буржуазной реакции и против народа; приканчивая повсюду самочинную деятельность народа, они прикончили Францию. Теперь не приходится закрывать глаза. Вот уже 46 дней существует Республика; что сделано для спасения Франции? Ничего – и Пруссак шагает вперёд.

Такова была мысль, таковы были чувства, гражданин, которые господствовали при создании Комитета спасения Франции в Лионе, которые продиктовали текст воззвания, которые побудили моих друзей к выступлению двадцать восьмого сентября, – выступлению, неудача которого – смею сказать – была несчастьем для Франции.

Многие из друзей моих в письмах, посланных в Лионский «*Progrès*», имели слабость отрицать наличие реальной цели в этом неудавшемся выступлении¹⁴. Они

---

¹⁴ Из этих писем мне известно только одно, написанное Альбером Ришаром 1 октября из убежища, где он укрылся (оно было воспроизведено Оскаром Тестю в «*L'Internationale et le Jacobinisme au ban de l'Europe*», Paris», 1872, vol. II, p. 277). Ришар пишет там:

«1 сентября.

Я прилагаю все усилия, чтобы написать вам это письмо в выражениях, достаточно сдержанных, чтобы вы согласились поместить его в вашей газете. Я мог бы, однако, с полным правом требовать его помещения, так как вы и ваши редакторы оклеветали нас таким образом, который я отказываюсь квалифицировать, чтобы квалификация эта не оскорбила вашего слуха.

Я предпочитаю думать, что только ваша полная неосведомленность о положении Франции вообще и в частности о том, что произошло 28 сентября, могла побудить вас к таким бесчестным речам.

Прокламация, которая вам так не понравилась, является одновременно и выражением искренних и глубоких убеждений, и изложением мер, абсолютно необходимых для спасения Франции. Благодаря этому она вдвойне заслуживает вашего уважения. Право, можно сказать, что вы, представители буржуазии, не сознаёте опасности, угрожающей Франции. Вы воображаете, что нас могут спасти полумеры вроде займов, регулярных налогов, военной организации, сильно уступающей прусской военной организации. Так вот! Мы вам говорим, что вы ведёте нас к гибели, и что мы не хотим следовать за вами!

*Проведение в жизнь программы, выставленной в прокламации, не было целью манифестации 28 сентября. Она была просто требованием следующих мероприятий:

- 1) Смещение военных властей.
- 2) Выборность офицеров солдатами.
- 3) Реквизиция в зависимости от потребностей момента.
- 4) Освобождение военных, арестованных по причинам политическим или за нарушение дисциплины.
- 5) Занятие фортов национальной гвардией.
- 6) Не снижение заработной платы рабочих на верфях.
- 7) Организация и собрание в Лионе народного конвента спасения Франции.

В случае, если бы члены муниципального совета признали себя не в силах выполнить эти мероприятия, делегаты от манифестации должны были предложить им подать в отставку.

Другого плана не было: доказательство этому то, что наша внушительная манифестация была безоружна. Отсутствие в зале заседаний членов муниципального совета, отсутствие ответа заставило

ошибаются. В эпохи, подобные нашей, больше, чем когда бы то ни было, нужно иметь смелость не утаивать правды.

народ потерять терпение, и это явилось причиной того, что заняли ратушу, что обезоружили буржуазную национальную гвардию, что не стали слушать господина Энона (Hénon) и арестовали господина Шальмель-Лакура; согласитесь, что в подобные минуты народ имеет право потерять терпение**.

Делегаты от народа остались в зале заседаний до прихода членов муниципального совета, в то время как вооруженная национальная гвардия, вслед за безоружной манифестацией окружила ратушу. Мы объяснили членам муниципального совета характер и цель манифестации. Не нашлось ни одного, кто осмелился бы её осудить. Многие и в их числе господин Дюран (Durand), одобрили её и заметили только, что муниципальный совет не может провести требуемых от него мероприятий. Мы ответили, что именно поэтому мы хотим, чтобы он или преобразовался в революционное собрание, или сложил свои полномочия. Я должен прибавить, что до манифестации пять или шесть членов муниципального совета приняло без всяких оговорок этот последний совет.

Спор не привёл ни к каким результатам, и члены муниципального совета просили нас дать им время на обсуждение; ратушу окружали всё больше и больше; но во внутренних дворах у нас ещё были три или четыре сотни людей, которые, не знаю каким образом, вооружились и запаслись патронами; кроме того на нашей стороне было несомненное сочувствие нескольких тысяч граждан из батальонов Croix-Rousse, Guillotière. Этого было более чем достаточно, чтобы удержать позиции.

И все-таки мы их сдали, так как мы не были уполномочены насильем заставить себя слушать.

Больше того, мы расстались в полном согласии с членами муниципального совета, и один из них, кажется гражданин Рюффэн, взобрался на стол и воскликнул, что у всех собравшихся здесь только добрые намерения, и что все они должны уважать друг друга и объединиться. Он позвал меня лично, торжественно пожал мне руку, и по предложению Бишофа, все присутствующие члены муниципального совета объявили, что против нас не будет возбуждено никакого преследования, а если таковое все же будет иметь место, они этому воспротивятся. Расстались мы все при единодушных криках: Да здравствует республика! Война пруссакам!

Таким образом мы не добились своего, но мы не вели себя так, как об этом говорите вы.

Как раз когда я кончал письмо, мне принесли сегодняшний номер «Progrès» с новым лживым рассказом о событиях 28 сентября. Автор готов, по его словам, назвать себя, если кто-либо усомнится в достоверности его рассказа. Так вот, пускай он назовёт себя, так как я утверждаю, что он солгал, говоря: 1) что я совместно с Бишофом и Бланом составил список членов нового комитета; 2) что были даны мандаты на арест довольно большого числа лиц; 3) что мы поинтересовались кассой префектуры; 4) что подписали продовольственные карточки на сумму 60 франков членам комитета. Отрешение от должности префекта могло быть с нашей стороны только предложением, но не постановлением. Что же касается генерала Мазюра, я признаюсь, что он получил бы немедленную отставку, если бы это зависело от нас.

Всё это правда, так как я отвечаю за свои действия, и не из породы трусливых. Многие из моих друзей были арестованы, и я едва избег той же участи.

Я кончаю, объявляя теперешним правителям: вам не в чем упрекнуть нас, и я даю вам дружеский совет не бросать нам вызова. Сейчас торжественный момент, мы ждём освобождения наших друзей.

Альбер Ришар»

*Отсюда начинается цитирование Гильома; Полонский приводит это письмо полностью.

** Здесь оканчивается цитирование Гильома.

В конце сноски Гильом пишет:

”Бакунин сразу же сурово осудил и охарактеризовал поведение тех членов революционного Комитета, которые хотели капитулировать, чтобы избежать столкновения, которого они боялись, и, пока они еще совещались в ратуше, сказал им, что он о них думает. Шестнадцать месяцев спустя, в письме, адресованном цюрихской газете Tagwacht 14 февраля 1872 года, он резюмировал свою оценку следующими словами: «Ришар своим трусливым поведением стал одной из главных причин провала лионского движения 28 сентября. Я горжусь тем, что принимал участие в этом движении вместе с уважаемым гражданином Паликсом, умершим прошлой зимой в результате перенесенных страданий; вместе с храбрым гражданином Шарве, который с тех пор был трусливо убит офицером; вместе с гражданами Парратоном и Шеттелем, которые и по сей день томятся в тюрьмах господина Тьера. С тех пор я считаю Ришара трусом и предателем»”.

Цель была такова. Мы хотели свергнуть Лионский муниципалитет, – муниципалитет, конечно, реакционный, но ещё более тупой и ни на что неспособный, чем реакционный, который парализовал и продолжает парализовывать всякую подлинную организацию Национальной Обороны в Лионе; мы хотели в то же время уничтожить всякую официальную власть, разрушить остатки имперской администрации, которая продолжает держать под гнётом народ, снимая шляпу перед Их Величествами королями Ивето¹⁵, кои воображают себя владыками и благодетелями в Туре; наконец, созвать Национальный Конвент спасения Франции. Коротко говоря, мы хотели в Лионе добиться того же, что вы, гражданин Эскирос, пытались сделать созданием Лиги Юга¹⁶, Лиги, которая, несомненно, всколыхнула бы Юг, если бы не парализовали её эти короли Ивето.

Ах, милостивый государь, во многом повинны поборники правительства Национальной Обороны! Они убивают Францию. И, если им дана будет воля, они окончательно отдадут Францию Пруссакам!

Пора мне заканчивать это слишком длинное письмо...

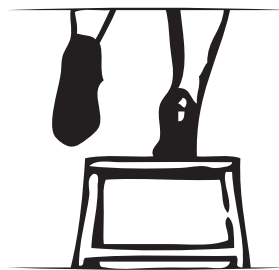

Мотивация написать такое письмо в Tagwacht была в том, что Альбер Ришар с Гаспаром Бланом решили в эмиграции поддержать бонапартистов против правящих на тот момент во Франции либералов-республиканцев.

¹⁵ «Король Ивето» – ироническое стихотворение Беранже «Le roi d'Ivetot», пустившее в ход насмешливое обозначение бессильных маленьких правителей с большими претензиями. Ивето – французский городок, до конца XVII в. – столица карликового самостоятельного королевства. Стихотворение это в переводе на русский язык см. 1) *Л. Беранже. Избранные песни*. Составила Н. Татаринова, Москва 1922, стр. 35 («Легендарный Король») и 2) Беранже. *Песни*, под ред. П. Лернера, Петербург 1919, стр. 26 («Царь Додон»). – *Прим. Полонский В. П.*

¹⁶ Лига Юга – республиканский комитет, созданный в Марселе 18 сентября 1870 года Альфонсом Эскиросом, старшим администратором департамента Буш-дю-Рон, и объединявший четырнадцать департаментов юга Франции и долины Роны с целью защиты Третьей республики. Обвиненная в сепаратизме, Лига Юга была распущена 28 декабря 1870 года.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт и инфоанархизм

Михаил Бакунин
Письмо Эскиросу о Лионском восстании и народной обороне
20 октября 1870

<https://fr.wikisource.org/wiki/Bakounine/%C5%92uvres/TomeIV41>

ru.anarchistlibraries.net